

КУЛЬТУРНО-КОННОТИРОВАННОЕ СЛОВО И ТЕКСТ

© 2003 О.Н. Иванищева

Мурманский государственный педагогический университет

Статья посвящена аспекту функционирования слова с культурным компонентом значения в тексте. В статье представлены элементы культурного компонента слова и их актуализация в текстах различных типов: нейтрализующем, представляющем, стимулирующем и констатирующем.

Лексика с культурным компонентом значения (культурно-коннотированная, национально-самобытная, лингвоспецифичная, этнокультуроведческая, лингвострановедчески ценная лексика) – самый очевидный знак «языка» культуры (В.Н.Телия). Обращение к подобной группе слов особенно активно началось с развитием лингвострановедческого направления в теории и практике преподавания русского языка как неродного и иностранного. В 80-е годы XX века, во времена «расцвета» лингвострановедческой тематики в исследованиях советских лингвистов, методистов и преподавателей, ставилась задача изучения культурно-коннотированной лексики с целью знакомства с культурой народа посредством языка (слова, фразеологизма), а лексику при этом называли лингвистическим инструментарием для объективации русской культуры.

Культурный компонент значения слова, часто не представленный в словарном толковании значения, обнаруживает себя в контексте, которым может быть словосочетание, текст и ситуация (см. мнение О.Д. Кузнецовой и Ф.П. Сороколетова о том, что для многих обрядовых слов этнокультурный компонент не входит в состав лексических значений, а выявляется на уровне контекста [Кузнецова, Сороколетов 1997: 36]).

Что касается текстового (коммуникативного) потенциала культурно-коннотированного слова, то его изучение может осуществляться с разных точек зрения. Так, анализ функционирования лексических единиц в тексте может проводиться с целью демонстрации специфики различ-

ных функций единиц в тексте, то есть предусматривает изучение роли лексической единицы в акте коммуникации, в «развертывании» текста. Анализ семантической структуры слова в данном случае имеет своей целью раскрытие «нередко отличного от исходного значения» [Новиков 1982: 127-128]. Этот подход ориентирован на текст, его функции и строение, а задача исследования при этом – представление текстообразующих возможностей лексической единицы. Другой подход к функционированию лексической единицы в тексте ориентирован на слово, выявление эксплицированных и неэксплицированных возможностей его лексического значения. Ср. у В.А.Звегинцева: «Лексическое значение – не реализация, а потенция реализации в определенном направлении» [Звегинцев 1957: 125]. Текст играет при этом двойную роль: формирует оттенки лексического значения слова и актуализирует элементы его значения.

Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров в своей книге «Лингвострановедческая теория слова» определяют такой способ объективации лексического фона слова как «развертывание, экспликация информации, которая присутствует в тексте в скрытом виде». Тексты указывают на наличие фоновых семантических долей лишь косвенно, а ее экспликация, прояснение зависят от внимательного читателя или даже от исследователя. В большинстве случаев фоновая информация в художественном или публицистическом тексте бывает перифразирована, превращена в намек, аллюзию, иносказание, то есть как бы зашифрована, поэтому ее извлечение иногда и для русского непросто [Верещагин, Кос-

томаров 1980: 38-41]. При таком подходе текстовый аспект функционирования куль-турно-коннотированной лексики часто ограничивается представлением фоновой информации, идущей от слова и помогающей понять замысел автора, его идею, систему образов, то есть создать потенциальные «страноведческие смыслы» текста. Так, Е.Сянлинь выделяет типы информации, носителями которой служат фоновые семы и которая, не имея в тексте специального, буквального выражения, присутствует в нем имплицитно (например, информация о социальном положении, о возрасте, об отношениях людей, об оценке человека, его поведения, информация, связанная с определенной социально-исторической ситуацией). Ср.: «Само слово голубятня для носителей китайского языка хотя и является эквивалентным, однако, что голубятни находились во дворах и гонять голубей было особенно популярно в названный период (50-70-е годы XX века. – О.И.), является для них фоновой информацией» [Сянлинь 1999: 13-15].

Соотношение текст – культурно-коннотированное слово представляется нам следующим образом. С одной стороны, некоторые тексты невозможно понять без знания культурного компонента значения культурно-коннотированных слов: Создана цепкая система переливающихся сосудов – личных связей, взаимной выручки, сплетенных между собой интересов. Гражданский и Уголовный Кодексы не стоят и гривенника, если раздастся звонок из горкома или райкома. Либо из некоей грозной конторы (Л.Зорин. Трезвенник).

Подобные тексты создают для носителя языка вопросы, на которые нет ответа в словарях. Так, из толкования слова горком или его переводного соответствия (городской комитет [БТС]; *bykomité* [PHC-2]) неясно, почему закон отступает перед звонком из городского комитета. Ср. подобный пример: Была уже готова верстка, но Еврейский комитет разогнали, начались аресты, брошюра, которую набирал дед, оказалась враждебной, ему приказали собрать оригинал и все корректуры до единого листка и сдать. Директор типографии уважал деда, но у него в кабинете

сидели сотрудник из райкома партии и еще один сотрудник, не снявший габардинового плаща и смотревший в сторону (В. Порудоминский. Похороны бабушки зимой 1953 года).

Представление отсутствующего в словарях культурного компонента значения отчасти «решает» проблемы понимания текста. Но иногда текст создает почти неразрешимые культурные «загадки»:

Кто ж тут курит вонючие папиросы? Желтый дым. Желтый, как гной. А-а, это товарищ подполковник в отставке! Понятно, понятно, русский офицер курит только папиросы (Г.Семенов. Путешествие души). В данном тексте культурный компонент значения слова папироса «крепкая» и «дешевая» может создавать разные варианты восприятия. То, что папироса в России дешевле сигареты, определяет социальный статус реалии. О популярности папиросы у нашего народа свидетельствует ряд «культурных аналогов» [Кабакчи 1998: 116-117] в русском языке: самокрутка – прост. самодельная папироса, сигарка; сигарка – прост. свёрнутая из бумаги трубочка с табаком, самодельная папироса; козья ножка – самодельная папироса в виде туго скрученной узкой воронки с загнутый кверху концом; а также названия табака (махорка, самосад) [РСМС]. Немаловажным является и тот факт, что папироса – русская реалия в отличие от «интернациональной» сигареты, поэтому в данном тексте может содержаться подтекст «патриотичность русского офицера». Ср. у В.Пикуля: Возникла мода на папиросы – чисто русское изобретение (хотя название взято от испанской пахитосы, в котором табак заворачивался не в бумагу, а в соломку) (В.Пикуль. Битва железных канцлеров).

С другой стороны, текст имеет уже на лексическом уровне большие возможности для создания культурного подтекста, чем просто использование культурно-коннотированной лексики:

Но мы ничего не брали. Ели традиционную курицу, прихваченную из дома вместе с большой бутылкой сомнительного московского нарзана (Ф.Искандер. Ночной вагон). В тексте упоминанием тради-

ционной курицы актуализируется страноведческая информация о привычке русских людей брать с собой в поезд в качестве дорожной еды курицу. См., например: «Чувствуя слабость в ногах после тяжелых скитаний, невозвратимых утрат и двухчасового стояния на подножке вагона, он (Остап. – О.И.) взобрался наверх. Оттуда ему представилось чудесное видение – у окна, на столике, задрав ножки вверх, как оглобли, лежала белотелая вареная курица» (И.Ильф, Е.Петров. Золотой теленок); В столицу он (Бисмарк. – О.И.) возвращался по «сидячему» билету, не желая ехать в спальном отделении, чтобы не лишиться себя удовольствия еще раз понаблюдать за русским бытом. Посол опять смотрел, как россияне истребляют жирных цыплят, снимают рыжие пенки с топленого молока в кувшинах, всю хрустят солеными огурцами... (В.Пикуль. Битва железных канцлеров); Но на гражданке, как я помнил, стоило поезду двинуться, все начинали стучать в лбы вареными яйцами, разворачивали жареных куриц... (Ф.Светов. Чижик-пыжик).

В рамках настоящей работы важно показать роль текста в актуализации элементов культурного компонента культурно-коннотированного слова. Кроме того, исследование текстового функционирования единиц позволит выделить тот «набор» признаков, которые необходимы для адекватного восприятия речевых произведений, а значит, выделить тот минимум культурной информации, который может быть представлен в виде комментария к слову при его толковании или переводе, то есть в толковых или двуязычных словарях.

Как показал анализ, актуализация культурной информации при функционировании культурно-коннотированного слова осуществляется по-разному в разных типах текста. В связи с этим предлагается выделять следующие разновидности текстов: нейтрализующий, представляющий, констатирующий и стимулирующий.

Нейтрализующий текст использует культурно-коннотированное слово без его «культурного потенциала». При восприятии подобного текста иноязычный читатель удовлетворится получением перевод-

ного соответствия в двуязычном словаре. См. пример: Я обычно навещал бабушку раза два в месяц, привозил ей фрукты и глазированные медовые пряники, до которых она была охотница, и уже привык к этому ее собравшемуся в морщинистый комочек лицу... (В. Порудоминский. Похороны бабушки зимой 1953 года). Хотя культурно-коннотированное слово в приведенном примере имеет лишь примерное переводное соответствие (ср.: пряники ≈ gingerbread [Collins], pepperkake [РНС-2]), это не препятствует восприятию текста.

Но ведь и я, став обыкновенным взрослым, сколько ни скреб ножом вологодское масло, сколько ни вглядывался в него, - увидеть уже ничего не мог (М. Вишневецкая. Из книги «Опыты»). Реалия вологодское масло из разряда номенклатурных названий (она не представлена на толковом, ни в энциклопедическом словаре). Ее понимание в тексте, однако, не требует знаний, кроме тех, которые можно «вывести» из названия: масло из Вологды. Тем не менее в сознании носителя русского языка реалия ассоциируется с рядом типичных признаков. Ср.: Берите масло. Вологодское масло. Попробуйте — вкус ореха чувствуете? Лучшее масло в России. Я знаю, что швейцарские молочные продукты очень хорошие. Но это русское масло превосходное (Л.Улицкая. Цю-юрихь).

В нейтрализующих текстах несущественно и то, что культурно-коннотированное слово обозначает национально-специфическую реалию. Это принципиально важно в представляющих текстах.

Представляющий текст «использует» культурно-коннотированную лексику как символ национальной культуры, как сигнал национальной специфичности: Я свернул туда и увидел за высокой оградой двор, по которому ходили какие-то странные люди. Иные были одеты в шинели и фуражки солдат и офицеров Советской Армии, другие - в телогрейки и шапки-ушанки (А.Варламов. Ночь славянских фильмов).

Для актуализации национальной специфичности часто к слову добавляется определение русский, которое может выполнять разную функцию: подчеркивать

национальную специфичность, выделяя реалию из круга подобных (см. об этом: [Воробьев 1997: 106]), (русская природа, русский алкоголизм, русское пиршество) и дублировать уже заложенную в реалии национальную специфичность, представляя избыточный признак (русские блины, русская водка, русские пельмени, русский борщ). Ср. примеры:

Родина? Мишка давно посмеивался над нашей с Каткой привязанностью к русской природе (а что, в Канаде хуже?)... (А.Мелихов. Нам целый мир чужбина); Тюрьмы и лагеря принимают большую часть мужской популяции, лишают их шанса оставить потомство. Деформацию ощущаешь? И к этому добавим знаменитый русский алкоголизм (Л.Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света); Угомонились они только к вечеру, «бентли» укатил; на столе - остатки истинно русского пиршества, даже селёdochка полуобглоданная ... (А.Азольский. Монахи).

В данных примерах слова природа, алкоголизм, пиршество обретают национальную специфичность лишь в сочетании с определением русский, так что получается своеобразное единство, по В.В. Воробьеву, лингвокультурема, которая, «помимо ее собственно лингвистического смысла, наполнена огромным лингвокультурологическим, постоянно обогащающимся, содержанием» [Воробьев 1997: 110]. Подобные сочетания можно называть по-разному, но ясно одно: прилагательное играет здесь ведущую роль, создает национальную специфичность.

В других примерах прилагательное русский, напротив, выполняет роль дублирующего компонента, употребленного для того, чтобы подчеркнуть национальное различие реалий при их сопоставлении. Ср.: Сервировка была проста, но изысканна – на мраморной поверхности ограждения сверкали розовые ломти шведского лосося, белел сквозь пластик греческий хлеб, искрилась капельками росы бутылка русской водки, в чашках дымился бразильский кофе, и не имеющий национальности тоник в пластиковой упаковке, которую и бутылкой не назовешь, пускал пузырьки, при взгляде на которые вспоминался аква-

риум с рыбками (Д.Каралис. Роман с героиней). В тексте ведущей является линия шведский-греческий-русский-бразильский. Именно это сопоставление актуализируется в примере, а не сопоставление реалий, из которых лишь водка является национально-специфичной.

В данных случаях национальная специфичность, представленная словом русский, не столько дублирует уже имеющийся культурный компонент значения, сколько позволяет иноязычному читателю не сосредотачиваться на значении культурно-коннотированного слова, а воспринимать его просто как сигнал «русскости». Таким образом, определение играет здесь отвлекающую роль.

Иного рода примеры, где реалия выступает как символ национальной принадлежности, объединяющего начала. В таких случаях значение культурно-коннотированного слова также несущественно, так как главное, что это нечто, что есть в России, все в России знают и понимают, и это знание отличает русскоговорящих:

- Я когда была в Атлантик-Сити, - вступает Маша, - то обратила внимание, что в Америке безумно дешёвые продукты питания, особенно мясо и молоко. Но чёрного хлеба там правда нет. (В.Пьецух. Летом в деревне). Реалия черный хлеб (ржаной [БТС]) при всей неспецифичности (хлеб из ржаной муки есть, пожалуй, во многих культурах: rygbrød, grovbrød [РНС-2]; rågröd [РШС-92]) относится к числу неофициальных символов русского стола, по крайней мере, с точки зрения носителей русского языка. Аналогичная ситуация с реалией соленые огурцы, которые хоть и есть в кулинарной культуре других стран, но имеют другой вкус (например, сладковатый в Скандинавии), а поэтому считаются национально-специфичной реалией русской кухни.

Нейтрализующий и представляющий тексты, с одной стороны, не требуют от носителя языка для их понимания знания «лексического фона» культурно-коннотированного слова и, с другой стороны, сами не представляют культурной информации о национально-специфической реалии. Этим характеризуются следующие два ти-

па текста – стимулирующий и констатирующий. Эти тексты различаются по способу актуализации культурной информации.

Стимулирующий текст активизирует поиск признаков реалии. См. пример: Китайская бесполоая пехора на грубом собачьем меху, синяя, как все рабоче-китайское, да кроличья шапка-ушанка дополнили новую картину, и теперь на улице к ней обращались «молодой человек» (Л.Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света). Текст стимулирует вопрос: Почему к девушке в шапке-ушанке все стали обращаться как к мужчине?

Стимулирующий текст может быть проанализирован с точки зрения того, какие признаки реалии стимулируются в нем и как стимулируется поиск этих признаков.

Как показал анализ, в стимулирующем тексте может быть актуализирован только страноведчески ценный признак, то есть обязательный/необязательный и типичный.

Так, обязательный признак стимулируется к поиску следующим текстом: Разжечь буржуйку тоже было непросто. Должен вам сказать, даже в самые тёмные времена язычества не совершалось таких великих жертвоприношений огню, как в начале двадцатых годов, - в ход шли редкие книги, мебель из красного дерева, картины вместе с подрамниками, стропила крыш, заборы, двери, панели карельской берёзы, паркет - всё, что только попадалось под руку (И.Полянская. Читающая вода). Содержание текста стимулирует вопрос: Почему буржуйку топили редкими книгами, мебелью из красного дерева, картинами и т.д.?

Согласно толковым словарям, буржуйка – это металлическая печка-временка [БТС, МАС, РСМС, СОШ]. Ср. примеры: Внутри КПП было дымно и жарко. Самодельная буржуйка гудела возле окна. На конфорке шипела закопченная кастрюля (В. Кржишталович. Осада); На палубе свежо, но не холодно. Между тем, команда собралась в тесной кабине рулевого. Затоплена «буржуйка». Готовится чай и легкий

завтрак (А.Терещенко. Приключения на острове Беринга);

В примерах актуализирован обязательный признак реалии, который не раскрывает во всей полноте «лексический фон» слова, а значит, не способствует пониманию текста И.Полянской. Это позволяет сделать содержащийся в словарях комментарий типа: печь, какими пользовались в годы топливного кризиса [ТСУ] и буржуйки появились в быту в годы Гражданской войны (1918-1921) и получили широкое распространение в годы Великой Отечественной войны (1941-1945) [БТС]. Ср. также примеры: В музее действующая даже буржуйка. В особых случаях ее разжигают, правда, не паркетом как в блокадное время, а газетами (Новости на ОРТ от 08.09.2001); Сотрудникам комбината выдают обрезки досок из - под тары, всего несколько штук, размером в 2 ладони, обычно 4-5, но это драгоценное тепло. «Буржуйку» уже давно нечем топить. Вся надежда на эти обрезки, иначе не растопить снег и не напиться (Организм блокадного человека – обвинительный документ фашизму// Санкт-Петербургский университет. № 11-12 (3534-3535)/ 5 мая 2001 г.)

Надо отметить, что буржуйки употребляются и сейчас в российских городах как альтернатива центральному отоплению. Функции реалии, как показывают примеры, при этом не изменились. Ср. примеры: Рядовые же потребители энергоносителей, похоже, вообще остались за кадром. Слово «лучина» так и носилось в воздухе, сшибаясь в полете со словом «буржуйка». Ну и времена настали, а, мистер Уэллс! Неужели Россия опять будет во мгле?(Саратовские Вести. 22.12.2001); И опять никто прямо не говорит: «Предупреждаем вас, люди, в лютый мороз ваши квартиры греть будет нечем. Готовьте «буржуйки». Нашего гнева, что ли, боятся? (Правда Севера. 05.08. 2000. № 141).

Таким образом, страноведчески ценным признаком реалии буржуйка является обязательный (зафиксированный в словаре) признак используемая во времена топливного кризиса (в том числе и в наше

время), который и стимулируется к поиску в тексте.

Обязательный признак не представленных в словарях реалий выступает стимулом в следующем тексте:

Они по-прежнему с недоверием относятся к любым попыткам вытащить их из семейных кухонь. Но, сидя на кухнях, они по-прежнему говорят о высокой политике (В.Шубинский. Автогеография). Содержание текста стимулирует вопрос: почему на кухнях говорят о высокой политике? Сочетание семейные кухни (в более распространенном варианте – московские кухни) не представлено в толковых, энциклопедических и переводных словарях, но обязательным признаком реалии при этом выступает признак «место для общения русских людей», «самое неформальное и удобное место для посиделок с друзьями» [Берков 2002: 7], а также «место для разговоров о самых главных вопросах жизни, политики, экономики» [Белянко, Трушина 2000:18]. Реалия отражает особенности русского (советского) быта, так как «в наших малогабаритных квартирах это (кухня. – О.И.) было единственное место, где можно просидеть всю ночь за интересной беседой, не рискуя разбудить детей или помешать престарелой бабушке. На кухнях читали и обсуждали «самиздат» - книги, бывшие под запретом цензуры и потому изданные нелегально, пели под гитару песни Высоцкого или эмигрировавшего Галича, говорили о свободе и демократии» [Берков 2002: 6].

Стимулирующий текст актуализирует страноведчески ценные признаки реалии, позволяя выделить те компоненты значения культурно-коннотированного слова, которые представляются важными для понимания текста не-носителем языка.

Нередко в тексте определяется не только сам стимул (признаки реалии), но и пути его поиска. Ср. примеры: В морге и на кладбище я комкала в руках и подносила к глазам большой темный платок, что соответствовало печали момента, а потом уже на поминках, в длинной коммунальной квартире, где у его новой семьи были две смежные комнатки в девять и двенадцать квадратов, я достала свой малень-

кий, белый, как теперь уже никто не крахмалит и не синит, платок, чтобы гости наглядно увидели, от каких условий он ушел, чтобы в какой грязи поселиться (М.Вишневецкая. Из книги «Опыты»). Представление элементов культурного компонента значения слова коммунальная квартира в этом тексте обязательно потому, что содержание текста неясно без актуализации признаков «квартира на несколько семей», «непрестижное жилье». Текст стимулирует поиск признаков и даже направляет пути этого поиска (в какой грязи поселиться).

Реалия коммунальная квартира (разг. коммуналка) в русской (советской) культуре является «безэквивалентным элементом» (ср. более или менее удачное представление слова в двуязычных словарях: коммунальная квартира – leilighet der det bor to el. flere familier, flerfamilieleilighet [PHC-2]; gemensamhetslägenhet, kollektivvåning, delad lägenhet [PШC-92]; communal flat [Collins]; communal flat (in which kitchen and toilet facilities are shared by a number of tenants) [РАГC]; Wohnung mit mehreren Hauptmietern [PHMC]; logement communautaire [PФC]). Для русского сознания коммуналка – это квартира, не просто «предоставляемая городским хозяйством и занимаемая несколькими семьями (съемщиками)» [BTC, MAC, ≈ СОШ], а с полуобщественными условиями быта, советским коллективным жильем (см. данные [PAC-4] и [PAC-6]: ржавое, ругань, соседка), общей кухней, ванной и туалетом (ср.: Период же серьезного материального недостатка и бесприютности совковой коммуналки пришёлся как раз на девятилетний брак (Б.Пастернака. – О.И.) с Евгенией Владимировной, брак, где было много счастья, но ещё больше беды (Ю. Кублановский. Неостывшая переписка); А жили мы при этом в небывалой протяженности коридорах коммуналок, в бараках и вагонах. Жили нищей, гигиенически вредной, коллективистски сдавленной, отчаянно трудолюбивой жизнью (Н.Крышук. Расписание. Игра для взрослых); В домах коммунальные квартиры – советский рай, пещерно-родовая община (О.Ермаков. Вариации); Начнем их обзор изнутри – начнем его с

утрамбованной коммуналки. Там кроме невезучего Панского жили вплотную бок о бок обрыдло соседи в количестве, равном обозу, точно такие же мелкие мытари келлий. <...>Хулу коммунальной квартире, где смрад испарения щей да постелей вредит организму, сосед одобрял и поддерживал, а насчет адской машины зато проявил тугосердие (В.Губин. Бездожде до сентября)). Кроме того, коммуналка – символ России, нашей жизни. Ср.: Россия – «большая кухня» коммунальной квартиры, «омерзительная, загаженная, провонявшаяся примусами помойка» (А.Солженицын. Феликс Светов – «Отверзи ми двери»); Гибель дома Шереметевых – ещё один пример того, что коммунальная квартира – устройство взрывное. Коммуналка – это принудительная скученность (притом чаще всего не желавших бы иметь ничего общего друг с другом) людей по причинам бедности, бесправия, естественного размножения, злого умысла, корысти чьей-то власти или того и другого вместе взятых. От «вороньей слободки» - литературного образа, принадлежащего перу Ильфа и Петрова, до самой гигантской в истории коммунальной квартиры – Советского Союза, - все говорит нам об общих законах их конца (М.Глинка. Пожар на Шпалерной).

Констатирующий текст актуализирует элементы культурного компонента слова и служит таким образом своего рода справочным пособием для читателя.

Констатирующий текст может быть разных типов, различающихся по способу представления (экспликации) культурной информации;

Классификация констатирующих текстов по способу экспликации культурной информации может быть представлена следующими типами: утверждающий, частично эксплицирующий и избыточно эксплицирующий констатирующие тексты.

При анализе функционирования исследуемых единиц в утверждающем тексте констатирующего типа исходим из положения о том, что, чтобы актуализировать обиходные знания среднего носителя языка, текст должен отражать его типовое усредненное представление о действитель-

ности (в том числе и о реалиях). Указание на это представление может осуществляться путем введения структур, утверждающих ту или иную информацию о различных свойствах реалии или о ее связи с другими явлениями действительности. Ср. пример: - Возьми бидон для кваса и купи все для окрошки, - слабым голосом говорит мама. – Знаешь ведь что?

Он спокойно стоял с бидоном и слушал, что ему говорила мать из комнаты. Мать вполне связно перечисляла все, что нужно для окрошки. <...>

Мать не ощутила его задержки – за квасом всегда очередь, она придирчиво рассмотрела огурцы, редиску, зелень. Объяснила, что впредь редиску лучше покупать круглую, а не с вытянутым усом, что на головке редиски должна быть белая «лысинка», а сплошь бордово-красные – это для свиней. За лук похвалила – тонкоперый, для окрошки самое то. И колбасу он выбрал правильную – без жира. Конечно, он забыл про хлеб, но хлеб продают рядом, пять минут туда и обратно (Г.Щербакова. Мальчик и девочка).

Утверждение общеизвестной информации о том, как готовят окрошку и с чем ее едят, отраженное в данном тексте, вводится риторическим вопросом Знаешь ведь что?

Частично эксплицирующий текст констатирующего типа содержит «неопредмеченные» компоненты. Ср. примеры: У нее начинает колотиться сердце. Она кладет под язык валидол (Г.Щербакова. Мальчик и девочка); Состоялся скандал с валидолом (Т.Голстая. Огонь и пыль).

Обратившись к данным примерам, не-носитель языка может обнаружить важное с лингвострановедческой точки зрения знание о том, что валидол – это не только лекарственный препарат, применяемый как сосудорасширяющее и обезбаливающее сердечное средство [БТС], но и очень популярное средство против болей в сердце. Этот признак не вербализуется в тексте, но является неким общим знанием для носителей русского языка. На то, что это инвариантное когнитивное знание, указывает невозможность его введения в ткань произведения, и не только по причине

вторжения в индивидуальный авторский стиль. Такая «вставка» выглядела бы более чем странной и вызывала бы неприятие читателя. Ср. * У нее начинается колотиться сердце. Она кладет под язык очень популярное сердечное средство валидол. Еще более нелепо смотрелся бы второй пример: * Состоялся скандал с очень популярным сердечным средством валидолом. Ср. предположение В.Я.Шабеса о том, что чем более типизированным, социально значимым является некоторое обобщение, тем оно более тривиально. Тривиальные знания, как правило, не вербализуются в речевых актах, но являются необходимым условием успешности их осуществления [Шабес 1989: 9].

Таким образом, в тексте обычно элиминируются само собой разумеющиеся признаки реалии (их можно условно назвать тривиальными): Конечно, в саду была антоновка, несколько сортов антоновки: антоновка круглая, антоновка с красноватым бочком, антоновка приплюснутая, антоновка мелкая, антоновка крупная граненая, которая становилась, созревая, совсем желтой, причём каждого сорта - по несколько яблонь (В.Сидоров. «Гори, гори ясно...»).

Антоновка как реалия, согласно толковым словарям, имеет следующие признаки: зимний, поздний сорт; с зеленовато-желтыми плодами кисло-сладкого вкуса; ароматные, долго сохраняющиеся яблоки [ТСУ, СОШ, БТС, МАС]. Эти признаки, хотя и являются основными в характеристике реалии (если судить по их фиксации в словарях), но не объясняют особенностей употребления реалии в конкретном тексте (почему конечно, в саду была антоновка?). Обращение к двуязычным словарям тоже не дает ответа на вопрос: двуязычные словари, предлагая транслитерированный эквивалент (*antonovka*, *Antonowka*), поясняют его как сорт яблок [Collins, РИС, РФС, РБС, РНМС, РШС-92], сорт зимних (осенних), кислых [РАГС, РСС] или зеленых, долго сохраняющихся [РНС-2] яблок. В словарной статье МАС есть деталь, которая «проливает свет» на загадку текста – упоминание о том, что антоновка – широко распространенный зимний сорт яблок.

Действительно, только знание о том, что антоновка – своеобразный символ средней полосы России (достаточно упомянуть известный каждому читающему русскому рассказ И.А.Бунина «Антоновские яблоки»), что это старинный русский сорт, популярный своим ароматом, вкусом, неприхотливостью и большим значением в хозяйстве (антоновку мочат, добавляют в капусту при заквашивании и т.д.), дает достаточно материала для правильного восприятия текста (см. очерк «Антоновка-антоновские яблоки» у А.А.Брагиной [Брагина 1986: 14-17]): конечно, в саду была антоновка, потому что в каждом саду средней полосы России есть антоновка.

С точки зрения носителя языка, тривиальные признаки эксплицируются благодаря стереотипизации действительности в тексте. Ср. мнение авторов монографии «Национально-культурная специфика речевого поведения» о том, что «именно художественный текст в силу своей мифологичности и эмотивности служит источником появления и закрепления стереотипов» [Национально-культурная специфика речевого поведения 1977: 120]. Какой-либо факт, описанный в тексте, вызывает «эффект узнавания», потому что отражает стереотипы национального поведения, которые, как известно, «позволяют ускорять процесс познания окружающей действительности и принятия решений. С их помощью осуществляется типологизация ситуаций и выбор ответных реакций» [Этнопсихологический словарь 1999: 249].

С точки зрения не-носителя языка, тривиальные признаки при представлении, например, русской реалии в тексте на русском языке приобретают статус страноведчески ценных, так как предполагают знания о том, что, как и с чем связано в окружающем русского человека мире (у нее начинается колотиться сердце – она кладет под язык валидол – значит, русские так обычно делают в подобных ситуациях и валидол – обычное средство в таких случаях). Сама же реалия, если она незнакома иноязычному читателю, может быть понята в основных ее признаках из текста. См. у С.Влахова и С.Флорина: «... контексту-

альное осмысление, расчет на то, что читатель поймет введенную реалию „по смыслу”» [Влахов, Флорин 1980: 82]. Ср. пример: Вера Алексеевна испытала обиду одиночества, стала чистить пемоксолью раковину, зачихала, пошла искать супрастин («это у меня аллергический компонент на химию»), а к ней возьми и приди двоюродная сестра (Г.Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона...). Из текста для не-носителя языка «по смыслу» ясно, что супрастин – это противоаллергический препарат: это у меня аллергический компонент на химию (NB! в толковых словарях слово не представлено), а тривиальным признаком реалии является ее популярность, типичность (действительно, самыми распространенными противоаллергическими препаратами в России являются супрастин и тавегил). Кстати, аналогичная ситуация отмечена в данном тексте и относительно названия популярного дешевого чистящего средства пемоксоль.

Частично эксплицирующий текст позволяет обнаружить сведения о реалии, которые являются настолько общеизвестными, что не представляется необходимости их вербализировать.

Констатирующий текст иногда становится текстом с избыточной для носителя языка культурной информацией. Хотя для иностранного читателя такого рода информация оказывается очень полезной. Ср. пример:

- На обеде, - откликнулся тот. Он был с рыжей, пуганой бородой, в зимней шапке-ушанке, придерживал вожжи, глядел не на старуху, а на меня (Г.Балл. Лодка). В примере культурная информация, эксплицированная в прилагательном зимняя, является избыточной: прилагательное дублирует элемент культурного компонента лексического значения слова шапка-ушанка.

Таким образом, роль текста в актуализации элементов культурной информации представляется нам следующим образом: текст вербализирует элементы культурного компонента значения слова и может служить критерием их страноведческой ценности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Collins - Collins Russian-English English-Russian dictionary/ Albina Ozieva, Olga Stott, Marina Hepburn. Harper Collins Publishers. - 1995.
2. *Беляненко О.Е., Трушина Л.Б.* Русские с первого взгляда. Что принято и что не принято у русских. Книга для чтения и тренировки в коммуникации. - М., 2000.
3. *Берков В.П., Беркова А.В., Беркова О.В.* Как мы живем. Пособие по страноведению для изучающих русский язык. - СПб., 2002.
4. *Брагина А.А.* Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте. - 2-е изд., перераб. и доп. - М., 1986.
5. БТС - Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 2000.
6. *Верещагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980.
7. *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе. - М., 1980.
8. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология (теория и методы). - М., 1997.
9. *Звегинцев В.А.* Семасиология. - М., 1957.
10. *Кабакчи В.В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации. - СПб., 1998.
11. *Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П.* Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // Проблемы лексикографии. Сборник статей / Под ред. А.С.Герда и В.Н.Сергеева. - СПб., 1997.
12. МАС – Словарь русского языка: В 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. - 2-е изд., испр. и доп. - М., 1981-1984.
13. Национально-культурная специфика речевого поведения. Национально-культурная специфика речевого поведения. - М., 1977.
14. *Новиков Л.А.* Семантика русского языка. - М., 1982.
15. РАГС - Русско-английский словарь. Под общ.рук. А.И.Смирницкого. - 16-е

- изд., испр., под ред. О.С.Ахмановой. - М., 1991.
16. РАС-4 - Русский ассоциативный словарь. - Книга 4. - Обратный словарь: от реакции к стимулу. - Часть II. - ., 1996.
17. РАС-6 - Русский ассоциативный словарь. - Книга 6. - Прямой словарь: от стимула к реакции. - Часть III. - М., 1998.
18. РБС - Чукалов С.К. Русско-болгарский словарь. - Изд. 7-е, стереотип. - М., 1986.
19. РИС - Ноге́йра Х., Туровер Г.Я. Русско-испанский словарь. - Изд.5, стереотип. - М., 1995.
20. РНМС - Русско-немецкий словарь (основной). - 10-е изд., испр. и доп., под ред. К.Лейна. - М., 1989.
21. РНС-2 - *Valerij Berkov*. Russisk-norsk ordbok. 2.utgave. - Oslo, 1994.
22. РСМС - Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений./ РАН. - Ин-т рус.яз.; Под общей ред. Н.Ю.Шведовой. - М.: Азбуковник, 1998. - Т.2.
23. РСС - Русско-сербскохорватский словарь / Под ред. Б.Станковича - М., 1988.
24. РФС - *Щерба Л.В., Матусевич М.И.* Русско-французский словарь. - 14-е изд., стереотип. - М, 1993.
25. РШС-92 - Русско-шведский словарь / под ред. К.Давидссон. - Stockholm, 1992.
26. СОШ - *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. - М., 1993.
27. *Сянлин Е.* Лексика русского рассказа 50-70-х годов в лингвострановедческом аспекте (на фоне китайского языка): Автореф.дисс. ...канд.филол.наук. - СПб., 1999.
28. ТСУ - Толковый словарь русского языка. - Т.1-4 / Под редакцией Д.Н.Ушакова. - М., 2000.
29. *Шабес В.Я.* Событие и текст. - М., 1989.
30. Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г.Крысько. - М., 1999.

CULTURAL LEXIKA AND TEXT

© 2003 O.N. Ivanichtcheva

Murmansk State Teachers' Training University

The article is dedicated to the functional aspect of the word with cultural component of meaning in text. Elements of the word and their function in texts of different types: neutralization, introduction, stimulation, establishment.